

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.01

О ПАРАДИГМАХ ПСИХОЛОГИИ

М. Г. Чеснокова

В статье анализируется методологический потенциал понятия парадигмы в психологии. Рассматриваются вопросы определения понятия парадигмы, оснований выделения психологических парадигм, классификации и закономерностей развития парадигм в психологии. Предлагается авторский взгляд на проблему парадигм в психологии. Анализируются четыре исследовательские парадигмы психологии: гносеологическая, феноменологическая, деятельностная и экзистенциальная. Подчеркивается связь выделенных парадигм с определенными течениями философии. Прослеживаются особенности трансформации этих парадигм при переносе их в прикладную психологию, практическую психологию и психотерапию. Анализируются причины, обуславливающие сосуществование и интеграцию различных парадигм в современной психологии.

Ключевые слова: парадигма, философские основания, научные артефакты, исследовательские и практические парадигмы, технологическая и психотехническая парадигмы, интеграция.

Понятие парадигмы и проблема парадигмального статуса психологии

Вопрос о применимости куновского понятия *парадигмы* в психологии обсуждался в литературе неоднократно (см., напр.: Гусельцева, 2013; Парадигмы..., 2012; Петренко, 2007; Юревич, 2007). Единого мнения по этому вопросу нет. Большинство ученых и методологов психологии считают, что объяснительные возможности куновской концепции развития науки в области психологии очень

Чеснокова Милена Григорьевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* milenches@bk.ru

ограниченны. Историческая картина развития психологии значительно шире и многообразнее той жесткой логики смены научных парадигм, которую очертил Т. Кун.

В качестве главного возражения против распространения парадигмальной концепции на психологию выступает тот неоднократно отмечавшийся факт, что ни один кризис психологии («открытый кризис» начала XX в., кризис психологии 1950-х гг., наконец, кризис отечественной психологии 1990-х гг.) не завершился сменой старой парадигмы на новую, а приводил к появлению целого «веера» новых психологических школ и направлений, оттеснявших, но не вытеснявших полностью ранее господствовавшую парадигму.

В настоящее время существуют три основные точки зрения на проблему парадигмального статуса психологии. Ее определяют как (1) допарадигмальную, (2) внепарадигмальную, (3) мультипарадигмальную дисциплину. В пользу первой точки зрения говорит сравнительно небольшой возраст психологической науки (чуть более ста лет). И еще в прошлом веке этот аргумент звучал наиболее часто. Однако бурное развитие психологии в XX — начале XXI в. и возникновение феномена «психологического общества» свидетельствуют скорее в пользу зрелости психологии как науки. Сторонники *внепарадигмального* статуса психологии не считают понятие парадигмы адекватной единицей анализа ее развития. По их мнению, психология развивается не через парадигмы, а через исследовательские программы, научные школы и направления, которые в перспективе тяготеют к слиянию и интеграции. В то же время для многих ученых понятие парадигмы оказалось вполне привлекательным, и в современных методологических исследованиях оно встречается достаточно часто, правда, уже в несколько ином, отличном от куновского понимании. В настоящее время известно несколько десятков интерпретаций этого термина.

Одна из наиболее известных адаптаций понятия парадигмы для психологии принадлежит Г. Айзенку: «Парадигма — теоретическая модель, разделяемая большинством работников данной области, включающая согласованные методы исследования, принятые нормы доказательства и опровержения и процедуры экспериментальной проверки» (Айзенк, 1993, с. 10). Данное определение является более конкретным, но и более узким по сравнению с определением парадигмы, предложенным Т. Куном (2002, с. 17). Кроме того, оно приложимо только к экспериментальной психологии. Между тем существуют направления (гуманистическая психология) и целые подходы (философская психология), которые принципиально выступают против любых форм эксперимента над человеком. Их цен-

ностная и гуманитарная направленность задает модель постановки и решения проблем, в корне отличную от той, которая заложена в определении Г. Айзенка.

В целом анализ психологической литературы последнего времени свидетельствует о том, что психология успешно ассимилировала понятие парадигмы. Однако при отсутствии общепринятого определения оно используется достаточно произвольно, без должного обоснования возможности и целесообразности его применения в том или ином контексте. В отечественной психологии была предпринята попытка целенаправленного обсуждения этого вопроса. К дискуссии были привлечены ведущие методологи (Парадигмы..., 2012). Главным итогом дискуссии стало очерчивание общего проблемного поля, связанного с понятием парадигмы в психологии. Назовем лишь некоторые из его аспектов.

1. *Содержание понятия парадигмы в психологии.* На данный момент это содержание представляется достаточно размытым. Парадигмами в психологии называют и общие теории, и основные исследовательские направления, и частные модели проведения исследований в конкретных областях, и типы экспериментального исследования, и просто типы психологии, например естественно-научная и гуманитарная.

2. *Множественность парадигм в психологии.* Крах моноидеологии марксизма в нашей стране и кризис общей психологии открыли путь проникновению в отечественную психологию новых концепций научного исследования. Одновременное существование разных парадигм ставит перед психологией актуальную задачу их упорядочения и классификации.

3. *Классификации парадигм в психологии.* Тип классификации напрямую связан с содержанием, вкладываемым в понятие парадигмы. Рассмотрим для примера несколько классификаций психологических парадигм, предложенных отечественными и зарубежными авторами.

Б. Баарс выделяет три основные парадигмы в психологии: интроспекционизм, бихевиоризм, когнитивизм (Baars, 1986). Как мы видим, автор явно отождествляет понятие парадигмы и понятие научного направления (школы) психологии. Более общую классификацию научных парадигм предлагает Г.А. Ковалев (1987). Он различает объектную, субъектную и субъект-субъектную (или диалогическую) парадигмы. В его классификации парадигма выступает как определенная стратегия психологического воздействия на человека, применяемая в психологии. Наиболее разветвленную классификацию психологических парадигм дает В.А. Янчук (2000):

поведенческая, биологическая, когнитивная, психодиагностическая, экзистенциальная, гуманистическая, герменевтическая, социально-конструктивистская, системная, деятельностная, гендерная и синергетическая парадигмы. Однако, на наш взгляд, эта классификация страдает синкретизмом. В ней отсутствует единое основание для выделения парадигм, «школьный» принцип сменяется в ней отраслевым, отраслевой — общенаучным и т.д. А.В. Юревич (1999) использует широкую трактовку понятия парадигмы, связывая его с основными задачами психологии. Так, он противопоставляет исследовательскую и практическую парадигмы (социодигмы) в психологии. М.С. Гусельцева (2012) выделяет следующие возможные основания классификации психологических парадигм: по уровню методологии (мировоззренческие, общенаучные, конкретнوناучные, ситуативно-личностные); по степени общности (общие, частные); по предметным областям (в социальной психологии, в этнической психологии и т.д.); по содержанию концепции (интроспекционизм, бихевиоризм, когнитивизм и др.); по национальным традициям; на основе смены типов рациональности. Однако, на наш взгляд, автор в большей степени констатирует существующее положение вещей, чем предлагает реальные пути упорядочения «парадигмального хаоса». Большинство психологических концепций попадают во все эти классификации, а в этом случае сам смысл их введения теряется.

4. *Тенденция психологии к созданию глобальных парадигм — метапарадигм.* В качестве таковых, в частности, выступают классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности. Однако в использовании этих понятий в психологии на сегодняшний день также нет полной ясности. Одни авторы относят классический и неклассический типы рациональности к парадигмальному периоду развития психологии, а постнеклассический — к мультипарадигмальному (Там же), другие считают изменение типов рациональности отражением общего развития научного мышления, указывая на синхронность в смене типов рациональности в разных науках (Клочко, 2012). На роль метапарадигм психологии претендуют также синергетика и постмодернистский подход. М.С. Гусельцева (2002, 2013) рассматривает постмодернизм как современный этап развития психологии и выступает активным его апологетом. Помимо того что особенности постмодернистской и постнеклассической метапарадигм во многом совпадают, автор, на наш взгляд, недооценивает определенные опасности, подстерегающие психологию при ее последовательной ориентации на принципы постмодернизма: синкретизм и методический «инструментализм» психологического

мышления, попытки решить проблемы теоретического обобщения на путях «глобализации» и т.д. (Чеснокова, 2012).

5. *Анализ механизмов «парадигмальной динамики»*. В.Е. Ключко (2012) обращает внимание на важность исследования механизмов и закономерностей смены научных парадигм в психологии — процессов вызревания нового в «старом» и сохранения («снятия») «старого» в новом.

Краткий обзор состояния проблемы позволяет утверждать следующее. Психология приняла куновское понятие парадигмы, но не парадигмальную концепцию развития науки Т. Куна. Большинство исследователей, использующих понятие психологической парадигмы, говорят не столько о смене, сколько о сосуществовании и интеграции различных парадигм. И ссылки на плюрализм и постнеклассический тип рациональности, признающий множественный характер интерпретации одних и тех же фактов, представляются здесь явно недостаточными. Мультипарадигмальность психологии есть факт и как факт науки он нуждается в научном объяснении.

В своем анализе проблемы научных парадигм психологии мы руководствовались, во-первых, идеей Л.С. Выготского о философии и практике как краеугольном камне психологической науки (Выготский, 1982), а во-вторых, необходимостью выбора в качестве предмета анализа наиболее развитых и реально работающих в науке подходов. Наше видение проблемы парадигм в психологии может быть изложено в нескольких основных тезисах.

1. Парадигмы психологии связаны с философским уровнем методологии и имеют определенные философские корни.

2. Все направления и школы психологии, возникающие на базе одной методологической парадигмы, выступают по отношению друг к другу как взаимодополнительные. Они вытесняются и уходят в прошлое только тогда, когда окончательно «отмирает» породившая их философско-методологическая парадигма. До тех пор, пока она существует, сохраняются и они, меняя форму и развивая новые «ответвления».

3. Научные артефакты сами по себе не способны создать новую парадигму исследований. Новая научная парадигма возникает на стыке развития философской мысли, артефактов науки и запросов практики.

4. Наряду с теориями, четко реализующими определенную научную парадигму, существуют психологические теории, которые условно можно определить, как теории переходного уровня. Такие теории сочетают в себе элементы разных парадигм и в силу этого

допускают развитие в разных (порой диаметрально противоположных) направлениях.

5. Существует четыре основные исследовательские парадигмы в психологии: гносеологическая, феноменологическая, деятельностная и экзистенциальная.

6. Выделенные психологические парадигмы (гносеологическая, феноменологическая, деятельностная и экзистенциальная) обладают различным методологическим потенциалом в разных областях науки: в области фундаментальных исследований, в сфере прикладной и практической психологии.

7. Классический, неклассический и постнеклассический идеалы рациональности не являются собственно парадигмами психологии. Почти все парадигмы психологической науки проходят в своем развитии стадии классичности, неклассичности и постнеклассичности.

Психологические парадигмы: между философией и наукой

Гносеологическая парадигма ведет свое происхождение от философии Р. Декарта. В ее основе лежит декартовская дихотомия сознания и бытия, когда предмет познавательной деятельности, в том числе и само сознание, выступает для познающего как некий внеположенный ему объект. Такая исследовательская позиция определяется как объектная. Идеалом научного мышления здесь служит объективное мышление. По отношению к сознанию как предмету исследования речь идет о рефлексивном мышлении, обладающем статусом объективности. Основными объектами исследований в рамках данной парадигмы выступают познавательные процессы и сознание. Примерами психологических направлений, строящих свои исследования на базе гносеологической парадигмы, могут считаться классическая интроспективная психология, гештальтпсихология, когнитивная психология. Различие этих школ в данном случае не должно нас смущать. Как отмечает В.А. Мазиллов (2012), одна и та же парадигма в истории психологии может воплощаться, а точнее, порождать разные концепции, ибо основная функция парадигмы как раз и состоит в том, чтобы продуцировать новые концепции. К этому можно добавить, что прослеживание смены концепций и направлений в рамках одной парадигмы оказывается принципиально важным для выявления закономерностей развития и трансформации парадигм в новых условиях и новых парадигмальных контекстах. Способность «старых» парадигм сохраняться

в свернутом виде внутри новых В.Е. Ключко (2012) очень удачно, на наш взгляд, определил понятием *неоклассицизм*.

Исходный дуализм, лежащий в основе гносеологической парадигмы, создал методологическую предпосылку для возникновения на данной платформе различных внешне оппозиционных школ. Дуализм духовного и материального способствовал появлению объективной поведенческой психологии (бихевиоризм, рефлексология, реактология), компенсирующей субъективизм интроспекции. Однако, как отмечал С.Л. Рубинштейн (1973б), поведенческая психология не опровергла интроспективной концепции сознания как особой реальности, а лишь достроила ее психологической теорией поведения, рассматриваемого как независимое от этой реальности и разворачивающееся во внешне наблюдаемом плане параллельно ей. Внутренняя общность философских оснований интроспективной и поведенческой психологии служит серьезным аргументом в пользу отнесения этих направлений к единой научной парадигме.

Отличительной особенностью всех вариантов гносеологической парадигмы в психологии является *игнорирование ею человека как живого целостного материального субъекта* (а не просто души и тела, субъекта мышления или реактивного организма). На эту ущербность картезиански ориентированной психологии указал Л.С. Выготский: «Человека забыли!».

Артефактами в науке, как писал еще Т. Кун, выступают такие открытия и направления исследований, которые подрывают самую основу существующей парадигмы. Для гносеологической парадигмы такой основой является *дихотомия сознания и бытия*. Соответственно научными артефактами в данном случае являются направления психологии, вскрывающие несостоятельность этой дихотомии. Главным артефактом гносеологической парадигмы служит *психоанализ как учение о бессознательном*.

Феноменологическая парадигма. Ко второй половине XIX в. философия приходит к осознанию, что отношение человека к миру не сводится к чисто *познавательному аспекту*. Человек больше, чем просто субъект мышления, а его жизнь больше, чем только осознанное бытие. На смену рационализму приходят иррационалистические течения — такие, как «философия жизни». Наука, как считает В. Дильтей (2000), должна рассматривать человека во всем многообразии его сил, как «*хотящее, чувствующее, представляющее существо*». Субъект-объектная дихотомия растворяется у В. Дильтея в понятии *переживания*. Жизнь — это непосредственное переживание. Она глубоко иррациональна и неуловима для разума.

Ее постижение достигается не мышлением, а «вчувствованием» и пониманием. Предметом психологии должен стать внутренний опыт как целостный «опыт переживания» человеком своей жизни. Характерно, что движение от рационализма и гносеологизма к иррационализму бессознательного происходит в философской и практической психологии фактически одновременно. Так, «Исследование истерии» З. Фрейда выходит в свет в 1895 г., а вызвавшая бурную дискуссию «Описательная психология» В. Дильтея — в 1894 г.

Создателем феноменологии считается Э. Гуссерль. В его подходе признание особого бытия переживаний сознания сочетается с декартовской рефлексией как единственным способом раскрытия психического («чисто психического») (Гуссерль, [эл. ресурс]). В современной психологической литературе различают два направления феноменологического подхода: феноменологический подход, идущий от Э. Гуссерля, и герменевтическую феноменологию, идущую от В. Дильтея (Бусыгина, 2009). Философские работы В. Дильтея и Э. Гуссерля, с одной стороны, *артефакты* психологии (вскрывающие несостоятельность картезианской гносеологической парадигмы) и развитие психологической *практики*, имеющей дело с живым, переживающим человеком, с другой, подготовили переход к новой — феноменологической парадигме в психологии.

Деятельностная парадигма. Философскую базу деятельностной парадигмы в психологии составила *философия марксизма* (Леонтьев, 1994; Рубинштейн, 1973а). За основу была взята мысль Маркса о том, что материальная производственная деятельность человека создает и мир культуры, и отношения между людьми, и самого человека. По отношению к гносеологической парадигме деятельностная парадигма с самого начала выступала как оппозиционная. Как писал А.Н. Леонтьев, главная теоретическая задача начатых им с Л.С. Выготским исследований заключалась в том, чтобы разомкнуть «замкнутый Декартом круг сознания», преодолеть «противоположность сознания, как внутреннего, предметному миру, как внешнему» (Леонтьев, 1994, с. 43). Между сознанием и бытием было включено опосредующее звено — *деятельность*. Однако деятельностный пафос привел к тому, что проблема человека вновь отошла в психологии на второй план. Только в последние годы жизни А.Н. Леонтьев напрямую обратился к проблеме личности, которая получила у него вторичное (хотя и вполне в духе К. Маркса) определение: «Личность есть иерархия деятельностей». С.Л. Рубинштейн в своей итоговой монографии «Человек и мир» сделал решительный поворот, поставив человека в центр бытия.

Этот шаг позволил ему выйти за пределы как гносеологической (бытие и сознание), так и деятельностной парадигм психологии к экзистенциальным вопросам человеческого существования (Я и Другой, любовь, трагическое, созерцательное отношение к действительности как признание самоценности существования и т.д.) (Рубинштейн, 2012).

Стоит отметить, что деятельностная парадигма в психологии определенным образом ограничила объяснительные возможности, заложенные в марксистской философии. Деятельность была взята в психологии только в одном — позитивном аспекте, как *творческая, созидательная деятельность*. Вспомним «принцип творческой самодеятельности» С.Л. Рубинштейна. При этом выделенный К. Марксом феномен *отчужденной деятельности* остался за пределами рассмотрения представителей деятельностного подхода. Определенную роль в этом, несомненно, сыграл идеологический фактор: в советском обществе «строителей коммунизма» отчужденной деятельности просто не могло быть. На этом фоне главным *артефактом* по отношению к деятельностной парадигме стали примеры не всегда успешной реализации деятельностных принципов в сфере общественной практики (в частности, в области образования). Факты говорили о том, что не всякая деятельность развивает и что наличие большого выбора деятельностей (программ обучения) не обязательно ведет к формированию индивидуальностей. Эти и другие артефакты деятельностного подхода послужили поводом для развертывания широкой методологической дискуссии, посвященной анализу исследовательского потенциала и перспектив развития деятельностной парадигмы в психологии (Деятельность..., 1990). 1990-е гг. можно назвать периодом кризиса деятельностной парадигмы (Лазарев, 2001). Кризис выразился прежде всего в изменении статуса теории деятельности, перешедшей на волне плюрализма из разряда общепсихологических в разряд частнопсихологических теорий. Наметилась тенденция к ограничению объяснительных возможностей категории деятельности. Прозвучавшая в адрес теории деятельности критика послужила толчком к более глубокой теоретической проработке методологических оснований деятельностной парадигмы. Увлечение леонтьевским вариантом деятельностного подхода уступило место более серьезному интересу к работам его внутреннего оппонента С.Л. Рубинштейна (2012), рассматривавшего деятельность только как *один из способов бытия человека в мире*, наряду с познавательным и созерцательным отношением.

Деятельностный подход действительно сформировал принципиально новую исследовательскую парадигму в психологии. В этом

смысле мы никак не можем согласиться с мнением Т.Д. Марцинковской (2001) и М.С. Гусельцевой (2012) о методологическом родстве бихевиористского и деятельностного подходов в психологии. Проводимые авторами параллели касаются формы, но не содержания и методологического потенциала рассматриваемых концепций. Единственное, с чем можно согласиться, — это то, что оба направления имеют ярко выраженную социальную ориентацию, связанную с необходимостью повышения уровня адаптации и продуктивности человека в современном обществе. Однако лежащие в их основании концепции человека и, соответственно, предлагаемые ими способы решения этой задачи существенно различаются.

Одним из дискуссионных является вопрос о парадигмальном статусе *культурно-исторической теории Л.С. Выготского*. На наш взгляд, все творчество Выготского представляет собой непрекращающийся поиск новой (антикартезианской) парадигмы в психологии. Его культурно-историческая теория сочетает в себе черты как «старой» (гносеологической), так и «новой» (деятельностной) парадигм. Пафос первой проявился в стремлении найти объективный метод изучения сознания, пафос второй — в идее совместно-разделенной деятельности ребенка и взрослого как исходной социальной формы возникновения высших психических функций. В последние годы Выготский неожиданно обращается к понятию переживания как единицы анализа личности и среды, что позволяет проводить определенные параллели между «поздним» Выготским и психологией В. Дильтея (Ярошевский, 1998). Большинство исследователей творчества Выготского сходятся в том, что он не оставил законченной системы научных взглядов. М.Г. Ярошевский (1993) рассматривал творческий путь Выготского как последовательную смену различных исследовательских программ, а его культурно-историческую («инструментальную») психологию — как одну из таких программ. Критики обвиняли Выготского в эклектизме. Сам Выготский на звучащие в его адрес обвинения в отсутствии системы отвечал, что время для окончательных обобщений еще не пришло. Между тем в современной психологии идеи Выготского востребованы как никогда и, что характерно, развиваются психологами самых разных направлений (культурно-деятельностными психологами и конструктивистами, представителями количественного и качественного подходов, сторонниками естественно-научной и гуманитарной психологии). Более того, *отсутствие системы*, которое в рамках классического идеала рациональности рассматривалось как недостаток, в новом постнеклассическом типе рациональности оценивается как достоинство (Гусельцева, 2012). На наш взгляд, роль

Выготского в развитии отечественной психологии можно сравнить с ролью «Шинели» Н.В. Гоголя в развитии русской классической литературы. Выготский дал психологии такое количество идей и возможных направлений их развития, что приписать его к какой-то одной определенной парадигме не представляется возможным. Кроме того, исследования Выготского представляют собой, на наш взгляд, яркий пример того «снятия» старых психологических парадигм внутри новых, о котором пишет В.Е. Ключко (2012). В своей статье, посвященной Выготскому, мы попытались показать «драму» столкновения в его творчестве старой эмпирической традиции в понимании общего с намерением строить общую психологию на диалектических основаниях (Чеснокова, 2008). Мы полагаем, что круг идей, очерченный Выготским, образует психологическую теорию особого типа, которую по своему парадигмальному статусу можно определить как «переходную». Новаторский взгляд Выготского на важнейшие вопросы психологической науки в числе прочего объясняется тем, что для психологии он был человек «пришлый», не испорченный стереотипами классического психологического мышления, что подтверждает правоту утверждения М.С. Гусельцевой о том, что новые парадигмы возникают в области нестандартного, периферийного — на «пограничье» научного знания (Гусельцева, 2012). Значение Выготского для психологии также связано с особой *коммуникативной* функцией культурно-исторической концепции как некоего метаязыка науки, позволяющего использовать его в качестве средства общения представителей разных направлений психологии (Корнилова, Смирнов, 2016). В.Е. Ключко (2012) указывает на многомерность мышления Выготского, подготовившего переход к сверхсложному, многомерному мышлению постнеклассического этапа развития психологии.

Экзистенциальная парадигма в психологии, как и все рассмотренные выше, имеет свои философские корни. Ее понятийный аппарат, основной круг проблем и общая (качественная) методология экзистенциального исследования были заложены в XIX в. родоначальником экзистенциализма С. Кьеркегором. Кьеркегор предложил оригинальную «программу» психологии, альтернативную той, которая реализовывалась «официальной» научной психологией в лице В. Вундта и его последователей, опиравшихся в своих исследованиях на картезианскую, гносеологическую парадигму. Главные работы С. Кьеркегора были написаны в 40-е гг. XIX в., т.е. еще до окончательного оформления психологии в самостоятельную науку. Характерно, что в те же годы вышла и самая психологическая

работа К. Маркса «Философско-экономические рукописи» (1844). Таким образом, марксизм и экзистенциализм одновременно, хотя и с разных сторон, выступили против классического рационализма и созерцательности прежней философии. При этом Маркс апеллировал к материальной основе человеческого существования, тогда как Кьеркегор ставил во главу угла потребности человеческого духа. Развитие духа, считал он, подчиняется своим законам, отказ от следования которым не менее пагубен для человека, чем игнорирование законов материальной жизни (Киркегор, 1994).

Экзистенциальная парадигма впервые обратилась не к функциональным проявлениям психологии человека (психические процессы, переживания, поведение, деятельность), а к *человеку как таковому*. По сравнению с деятельностью парадигмой экзистенциальная парадигма уделяет большее внимание проблеме *отчуждения* человека в современном обществе. Наиболее опасной формой отчуждения, подрывающей основы человеческого существования, экзистенциализм считает *отчуждение человека от самого себя*. Возвращение к себе, к *своей человечности*, преодоление отношения к себе как к объекту составляет основной пафос экзистенциализма. Во всех, в том числе наиболее социально ориентированных вариантах экзистенциального подхода (Э. Фромм, Ж.-П. Сартр), индивид неизменно рассматривается как *высшая ценность*. В деятельностном подходе понятия «индивид» и «личность» принципиально разводятся. Природный индивид не имеет в деятельностной парадигме самостоятельной ценности. Ценностью обладает личность в силу своей *общественной значимости*, т.е. той деятельности, которую она осуществляет не только для себя, но и для других. Представители экзистенциального подхода обращают внимание на то, что в современном обществе деятельность человека систематически отчуждается от него, так что он *теряет возможность осуществлять себя в ней*. В этих условиях человек вынужден искать иные (недеятельностные) формы самоосуществления — через ценности отношений, переживаний и т.п. Однако в отличие от феноменологической парадигмы (в ее чистом виде) экзистенциализм вовсе не стремится растворить человека в психическом — в переживании. Основной для экзистенциалистов является не оппозиция внешней деятельности и переживания, а оппозиция *видимости* деятельности и *внутренней осмысленности существования*; в зависимости от условий это существование может обретать разные формы выражения. Выхолощенному, неподлинному существованию во внешнем мире С. Кьеркегор противопоставлял решимость «внутреннего действия», способность к «самостоянию» в «сокрытом

внутреннем». Эта идея внутренней активности утверждающей себя субъективности звучит и в работах более позднего поколения экзистенциалистов — в потребности «быть» Э. Фромма (2000), в мужестве существования в условиях полной утраты внешних смыслов П. Тиллиха ([Эл. ресурс]) и др.

Отличительная черта экзистенциальной парадигмы — отказ от идеала объективного мышления. С. Кьеркегор утверждал, что объективное мышление безразлично к конкретному человеку. Сложная диалектика экзистенциальной человеческой ситуации не выражается на языке понятийного мышления, ее язык — это язык образов и мифов, отмечал П. Тиллих (вспомним «миф о Сизифе» А. Камю или «миф о Золотых вратах» Ф. Кафки). Однако главная опасность объективного мышления состоит в том, что оно фактически снимает с человека *ответственность за осмысление собственной жизни*, передавая функцию мышления безличной объективной науке. С. Кьеркегор первым поставил вопрос о важности *субъективного мышления* (мышления, предметом которого являюсь я сам и мое существование) как истинно *диалектического мышления*, развивающегося в условиях неизбежных жизненных противоречий и неразрывно связанного с решением и действием (Кьеркегор, 2012). Так в понятии субъективного мышления был преодолен картезианский дуализм мышления и действия. В XX в. к проблеме субъективного и объективного мышления и их применимости в психологии обратился К. Роджерс (1994). По сравнению с Кьеркегором он занял более гибкую позицию, признавая ценность объективного мышления в научном исследовании и неизбежность обращения к субъективному мышлению («личностному знанию») в области психотерапии.

Подводя итог рассмотрению исследовательских парадигм в психологии, необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие резких, революционных переходов от одной парадигмы к другой (в современной психологии все они сосуществуют), наблюдается достаточно очевидная для многих исследователей тенденция к смещению в ходе развития психологического знания акцентов с познавательной (гносеологической) в сторону экзистенциальной и герменевтической научных парадигм (Корнилова, Смирнов, 2016).

Психологические парадигмы: между наукой и практикой

Гносеологическая парадигма, ориентированная на получение объективного, экспериментально обоснованного знания, имеет в психологии глубокие корни и до настоящего времени остается

одной из ведущих в области *фундаментальных исследований* (хотя и существенно трансформировавшейся под влиянием разработки качественной методологии, активного сочетания качественных и количественных методов исследования). При этом в области *прикладной психологии* гносеологическая парадигма «в чистом виде» практически неприменима. Основная причина этого — лежащая в основании парадигмы исходная противоположность внутреннего и внешнего, познания и деятельности. Как мы помним, основной запрос на перестройку методологии психологии, опирающейся на гносеологическую парадигму, шел именно со стороны практики, которой рефлексивная, замкнутая на самой себе психология мало что могла дать.

Для исследователей, работающих в русле гносеологической парадигмы, основная проблема связана с «переводом» полученного «чистого знания» в область общественной практики, адаптацией этого знания к решению практических задач. Выходом из этой методологически тупиковой ситуации стали: 1) развитие новых практико-ориентированных направлений психологии (бихевиоризм, гештальтпсихология и др.); 2) выход на новые парадигмы исследований (деятельностный подход); 3) разработка собственной (автономной) методологии прикладных исследований (частных теорий), на деле ведущая к еще большему размежеванию («схизису») академической и прикладной психологии.

Современная прикладная психология во многом опирается на собственную парадигму, которая определяется в психологической литературе как *инструментально-технологическая*. По мнению Л.И. Воробьевой, технологическая парадигма является прямым порождением новоевропейской науки и «поставляющего» производства. Она ориентирована на создание серийного продукта (будь то вещь или человек); опирается на понятие «нормы» как некоего условного человеческого «стандарта»; ее внутренняя цель состоит в обеспечении взаимозаменяемости людей как отдельных элементов в общественной системе. В определенных границах использование технологической парадигмы может быть весьма эффективным (это ситуации, когда цели деятельности определены и достижимы). Сюда относятся педагогические, социальные, производственные, медицинские и некоторые другие виды практики. Однако в работе с отдельным человеком никакие «нормы личности» и «нормы личностного развития» не проходят. Психотерапевтическая работа — это решение клиентом (с поддержкой и помощью терапевта) его особой «личностной задачи». И здесь технологическая парадигма терпит поражение (Воробьева, 2016). Однако при всей видимой противо-

положности гносеологическая и технологическая парадигмы во многом родственны между собой. Обе они вырастают из философии и науки Нового времени, их объединяет общий объектный подход к предмету исследования и преобразования, игнорирование его собственной активности и сознательности.

Продуктивность использования гносеологической (познавательной) парадигмы в психотерапии была поставлена под сомнение еще З. Фрейдом, показавшим, что работа с сознанием «больного» без обращения к его бессознательному малоэффективна и вызывает сопротивление со стороны клиента. Позднее К. Роджерс пришел к выводу, что установка на «восполнение» объективного знания клиента о самом себе не ведет автоматически к позитивным изменениям в его жизни и обретению им своего Я. Такой эффект дает только особое «личностное знание», пропущенное клиентом через себя, в буквальном смысле «прожитое» им. Как пишет Л.И. Воробьева, «должна произойти встреча не познания с познанием, а бытия с бытием» (Там же, с. 139). Вместе с тем существуют направления психотерапии, фокусирующиеся именно на работе с образной картиной мира клиента и достигающие на этом пути определенных результатов. К числу таких направлений относится, например, гештальт-терапия. Но эффективность данного вида терапии связана, на наш взгляд, не столько с приверженностью гносеологической парадигме, сколько с отступлением от нее, выражающимся в отказе от объектной позиции по отношению к клиенту и передаче ответственности за результаты психотерапевтической работы ему самому.

Феноменологическая парадигма. В современной психологии феноменологическая парадигма успешно реализуется как в фундаментальных исследованиях, так и в психотерапии. По мнению Л.И. Воробьевой, *феноменологическая герменевтика* составляет общее методологическое основание психотерапии как области психологии, занимающей особое положение между наукой и практикой (Воробьева, 2016). Прикладная психология, напротив, не испытывает серьезной потребности в обращении к внутренним переживаниям субъектов общественной практики, которыми она занимается, и к феноменологической парадигме в психологии соответственно.

Деятельностная парадигма хорошо работает как в фундаментальной, так и в прикладной психологии. В последней она оказалась особенно востребована, поскольку сама во многом возникла как ответ на запросы общественной практики. Подобно

гносеологической парадигме деятельностная парадигма имеет свою практическую форму выражения. Этой формой является *психотехника*. Несмотря на внешнее сходство, технологическая и психотехническая парадигмы существенно отличаются друг от друга. Их главное отличие — в различии целей. В первом случае *цель, обусловленная объективными потребностями практики, индифферентна по отношению к конкретному человеку*, который с помощью специальных приемов просто подгоняется под нее. Во втором — *целью является развитие самого человека*, которое дало бы ему возможность справляться со все более сложными учебными и производственными задачами. Стандартизация человека — эффект использования технологической парадигмы. Развитие способности, нахождение индивидуального стиля деятельности — эффект применения психотехнической парадигмы. В этом смысле можно говорить о внутренней *гуманистической направленности* деятельностной парадигмы, что в ценностном плане сближает ее с гуманистическим и экзистенциальным подходами в психологии. Гуманистическая направленность теории выступает в рамках провозглашаемого сегодня постнеклассического типа рациональности как один из критериев «вневременной ценности» психологической концепции (Корнилова, Смирнов, 2016).

Что касается психотерапии, то, по нашему мнению, деятельностная парадигма по сути своей отрицает всякую психотерапию. Признание социокультурной обусловленности развития сознания и личности человека (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин) ставит на первый план задачу грамотного формирования сознательной культурно развитой общественно-полезной личности и коррекции этого формирования в психологически сложных случаях. Воспитание полноценного человека — одна из главных задач общества (вспомним опыт Загорского детского дома по работе со слепоглухонемыми детьми, начатый по инициативе А.Н. Леонтьева). При таком подходе традиционная индивидуальная психотерапия как способ работы с человеком оказывается просто не нужной. Неудивительно, что в СССР психотерапии как области психологии не существовало (хотя психиатрия была). Развитие психотерапии началось лишь в 1990-е гг. и происходило на фоне «крушения» моноидеологии деятельностного подхода и проникновения в отечественную психологию альтернативных западных течений.

Экзистенциальная парадигма. Экзистенциализм с самого начала был ориентирован не столько на *изучение*, сколько на *по-*

мощь человеку в осуществлении им себя и своей жизни. В этом экзистенциализм был глубоко оппозиционен как объективной науке, так и некоторым видам общественной практики. И наука, и общественные практики (позднее М. Фуко назвал их «практиками власти»), «приватизировав» мышление и волю человека, превратили его в простой объект своих измышлений и манипуляций. На этом фоне экзистенциализм предстал как философия *практики возрождения человеческой субъективности*. За основу экзистенциалистами была взята античная традиция «практик себя». «Забота о себе», понятая как забота о своем уникальном человеческом Я, стала одним из центральных понятий философии С. Кьеркегора (Чеснокова, 2016). Поэтому неслучайно, что из всех парадигм психологии именно экзистенциальная парадигма оказалась наиболее адекватна задачам психотерапии и востребована в ней. Как пишет Л.И. Воробьева, современная психотерапия представляет собой не что иное, как «уникальную технику “производства” субъективности нашего времени» и в этом смысле выступает как особая экзистенциально-личностная модель практики (Воробьева, 2016, с. 194). Отличительной чертой современной психологии является своеобразное «слипание» феноменологической и экзистенциальной парадигм в психологии, что наиболее ярко проявляется именно в области психотерапии. Однако функциональная нагрузка этих двух парадигм здесь различна. Герменевтическая феноменология выступает в роли методического приема в контексте достижения целей, заданных экзистенциальным осмыслением уникальной человеческой ситуации клиента.

Выводы

Понятие парадигмы прочно вошло в психологию. Однако если в концепции Т. Куна оно выступало в качестве *объяснительного понятия* развития науки, то при распространении его на область психологического знания оно, как оказалось, само нуждается в объяснении. Проведенный на основе исторического материала анализ понятия привел нас к следующим выводам.

1. Психологическая парадигма есть совокупность методологических установок, определяющих направление, цель, круг объектов, руководящие принципы и методический инструментарий работы психолога.

2. Парадигмы в психологии могут быть разделены на исследовательские и практические.

3. Исследовательские парадигмы в психологии изначально возникают на определенной философской основе. Мы выделили четыре такие парадигмы: гносеологическую, феноменологическую, деятельностную и экзистенциальную. Одна исследовательская парадигма может выступать основой для целого ряда школ и направлений психологии (в том числе оппозиционных).

4. Открытия, исследования и даже целые психологические направления, выступающие артефактами по отношению к существующей парадигме, подготавливают появление новой парадигмы, но не создают ее.

5. Новая психологическая парадигма возникает на стыке развития философии, артефактов науки и запросов практики.

6. Представление Т. Куна о закономерной смене научных парадигм не находит подтверждения в психологии. Все перечисленные нами исследовательские парадигмы сосуществуют в современной психологии.

7. Отношения между исследовательскими парадигмами в психологии не рядоположены. Феноменологическая, деятельностная и экзистенциальная парадигмы по сути своей оппозиционны гносеологической. Эта оппозиция проявляется, в частности, в объединении феноменологического и экзистенциального, экзистенциального и деятельностного подходов.

8. Психология — наука, для которой проблема познания является важной, но не единственной задачей. При столкновении с практикой исследовательские парадигмы претерпевают существенную трансформацию. Характер трансформации определяется особенностями данной исследовательской парадигмы. Так гносеологическая парадигма перерождается в технологическую, деятельностная — в психотехническую, а феноменологическая и экзистенциальная образуют единый «сплав» — экзистенциально-феноменологическую парадигму в психологии.

9. В разных областях науки (фундаментальные исследования, практическая и прикладная психология) каждая парадигма имеет свои преимущества, что не позволяет на сегодняшний день полностью отказаться от какой-либо из них. В этом смысле мы объясняем сосуществование в психологии различных парадигм не столько особым (постнеклассическим) типом рациональности, сколько необходимостью решения наукой ряда принципиально разных задач.

10. Многие исследователи неоднократно отмечали *особое положение* психологии среди других наук. В данном контексте мы видим эту «особость» в том, что психология является в буквальном

смысле «слугой трех господ». Она служит науке как объективному знанию, обществу и отдельному индивиду. И это противоречие лежит, на наш взгляд, в основе всех перипетий и кризисов истории психологической науки. Оно же составляет движущую силу развития научных парадигм в психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айзенк Г.Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? — критерии таксономической парадигмы // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С. 9—23.

Бусыгина Н.П. Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 57—65.

Воробьева Л.И. Психотерапия в истории психологии: культурно-исторический анализ: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2016.

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.

Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 119—131.

Гусельцева М.С. Парадигмы в психологии: историко-методологический анализ // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2012. С. 34—56.

Гусельцева М.С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013.

Гуссерль Э. Феноменологическая психология. URL: <http://philosophy2.ru/library/husserl/psych.html> (дата обращения: 6.11.2016).

Деятельность: теории, методология, проблемы / Сост. И.Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990.

Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.

Киркегор С. Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // Киркегор С. Наслаждение и долг. Киев: AirLand, 1994.

Клочко В.Е. Парадигмальная динамика психологической науки как процесс усложнения психологического мышления // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2012. С. 106—135.

Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии — три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 41—49.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2016.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002.

Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». М.: Академический проект, 2012.

- Лазарев В.С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 33—47.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Мазилев В.А. Парадигмы в психологии: от истории к современности // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2012. С. 57—94.
- Марцинковская Т.Д. История психологии. М.: Академия, 2001.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: ИП РАН, 2012.
- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: ИПРАН, 2007. С. 286—312.
- Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: Прогресс, 1994.
- Рубинштейн С.Л. О философских основах психологии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973а. С. 47—67.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973б. С. 19—46.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
- Тиллих П. Мужество быть. URL: <http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm> (дата обращения: 7.11.2016).
- Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2000.
- Чеснокова А.Г. Проблема общего и индивидуального в творчестве Л.С. Выготского: между эмпиризмом и диалектикой // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 39—49.
- Чеснокова М.Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Философские науки. 2012. № 1 (5). С. 95—106.
- Чеснокова М.Г. Становление экзистенциального понимания «заботы о себе» в работах С. Кьеркегора // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 98—107.
- Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3—11.
- Юревич А.В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 3—17.
- Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетиический подход. Минск: Бестпринт, 2000.
- Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Международный фонд истории науки, 1993.
- Ярошевский М.Г. Дильтеяева дихотомия и проблема переживания // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 70—78.

Vaars B. The cognitive revolution in psychology. N.Y.: Guilford Press, 1986.

Поступила в редакцию 15.11.2016
Принята к публикации 15.12.2016

ABOUT PARADIGMS IN PSYCHOLOGY

Milena G. Chesnokova

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: The article discusses methodological potential of the concept of paradigm in psychology. The issues of paradigm's definition, the base of psychological paradigms allocation, classification of paradigms and paradigm's patterns of development in psychology are considered. The author offers her own view of the problem of paradigms in psychology. She analyzes the four research paradigms of psychology: gnoseological, phenomenological, activity and existential one — and emphasizes their connection with certain currents of philosophy. The features of transformations of these paradigms in their transition to applied psychology, practical psychology and psychotherapy are followed. The reasons for the coexistence and integration of different paradigms in modern psychology are analyzed.

Key words: paradigm, philosophical foundations, scientific artifacts, research and practical paradigms, technological and psychotechnics paradigms, integration.

References:

Ayzenk, G.Yu. (1993) Kolichestvo izmereniy lichnosti: 16, 5 ili 3? — kriterii taksonomicheskoy paradigmy. *Inostrannaya psikhologiya* [Foreign psychology], 1, 2, 9—23.

Baars, B. (1986) *The cognitive revolution in psychology*. N.Y.: Guilford Press.

Busygina, N.P. (2009) Fenomenologicheskii i germenevticheskiy podkhody v kachestvennykh psikhologicheskikh issledovaniyakh. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 1, 57—65.

Chesnokova, A.G. (2008) Problema obshchego i individual'nogo v tvorchestve L.S. Vygotskogo: mezhdru empirizmom i dialektikoy. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2, 39—49.

Chesnokova, M.G. (2012) O sotsiokul'turnykh osnovaniyakh tipov ratsional'nosti. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser. Philosophical sciences], 1, 5, 95—106.

Chesnokova, M.G. (2016) Stanovlenie ekzistentsial'nogo ponimaniya «zaboty o sebe» v rabotakh S. Kerkegora. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2, 98—107.

Deyatel'nost': teorii, metodologiya, problemy [Activity: theory, methodology, problems] (1990) / Compiler I.T. Kasavin. Moscow: Politizdat.

Dil'tey, V. (2000) *Vvedenie v nauki o dukhe* [Introduction to the science of the spirit]. In Dil'tey, V. Collected works in 6 v. Vol. 1. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.

Gusel'tseva, M.S. (2002) Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i «vzovy» postmodernizma. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 3, 119—131.

Gusel'tseva, M.S. (2012) Paradigmy v psikhologii: istoriko-metodologicheskii analiz. In A.L. Zhuravlev, T.V. Kornilova, A.V. Yurevich (eds.) *Paradigmy v psikhologii: naukovedcheskiy analiz* [Paradigms in psychology: the science analysis] (pp. 34—56). Moscow: IP RAN.

Gusel'tseva, M.S. (2013) *Evolyuitsiya psikhologicheskogo znaniya v smene tipov ratsional'nosti* [Evolution of psychological knowledge in the change of rationality types]. Moscow: Akropol'.

Fromm, E. (2000) *Imet' ili byt'?* [To have or to be?]. Moscow: AST.

Gusserl', E. (Electronic resource) *Fenomenologicheskaya psikhologiya* [Phenomenological psychology]. URL: <http://philosophy2.ru/library/husserl/psych.html> (Date of access: 6.11.2016).

Kerkegor, S. (2012) *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k «Filosofskim krokhams»* [Concluding unscientific PostScript to “Philosophical crumbs”]. Moscow: Akademicheskii Proekt.

Kirkegor, S. (1994) Garmonicheskoe razvitie v chelovecheskoy lichnosti esteticheskikh i eticheskikh nachal. In Kirkegor, S. *Naslazhdenie i dolg* [Pleasure and duty]. Kiev: AirLand.

Klochko, V.E. (2012) Paradigmal'naya dinamika psikhologicheskoy nauki kak protsess uslozhneniya psikhologicheskogo myshleniya. In A.L. Zhuravlev, T.V. Kornilova, A.V. Yurevich (eds.) *Paradigmy v psikhologii: naukovedcheskiy analiz* [Paradigms in psychology: the science analysis] (pp. 106—135). Moscow: IP RAN.

Kornilova, T.V., Smirnov, S.D. (2016) *Metodologicheskie osnovy psikhologii* [Methodological basis of psychology]. Moscow: Yurayt.

Kovalev, G.A. (1987) Tri paradigmy v psikhologii — tri strategii psikhologicheskogo vozdeystviya. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 3, 41—49.

Kun, T. (2002) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST.

Lazarev, V.S. (2001) Krizis «deyatelnostnogo podkhoda» v psikhologii i vozmozhnye puti ego preodoleniya. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 3, 33—47.

Leontiev, A.N. (1994) *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of psychology]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Martsinkovskaya, T.D. (2001) *Istoriya psikhologii* [History of Psychology]. Moscow: Akademiya.

Mazilov, V.A. (2012) Paradigmy v psikhologii: ot istorii k sovremennosti. In A.L. Zhuravlev, T.V. Kornilova, A.V. Yurevich (eds.) *Paradigmy v psikhologii: naukovedcheskiy analiz* [Paradigms in psychology: the science analysis] (pp. 57—94). Moscow: IP RAN.

Petrenko, V.F. (2007) Konstruktivistskaya paradigma v psikhologicheskoy nauke. In A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich (eds.) *Teoriya i metodologiya psikhologii: postneklassicheskaya perspektiva* [Theory and methodology of psychology: post-non-classical perspective] (pp. 286—312). Moscow: IP RAN.

Rodzhers, K. (1994) *Stanovlenie lichnosti. Vzglyad na psikhoterapiyu* [The formation of personality. Perspective on psychotherapy]. Moscow: Progress.

Rubinshteyn, S.L. (1973a) O filosofskikh osnovakh psikhologii. In Rubinshteyn, S.L. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General psychology] (pp. 47—67). Moscow: Pedagogika.

Rubinshteyn, S.L. (1973b) Problemy psikhologii v trudakh Karla Marksa. In Rubinshteyn, S.L. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General psychology] (pp. 19—46). Moscow: Pedagogika.

Rubinshteyn, S.L. (2012) *Chelovek i mir* [Human and world]. St. Petersburg: Piter.

Tillikh, P. *Muzhestvo byt'* [The courage to be] (Electronic resource). URL: <http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm> (Date of access: 7.11.2016).

Vorobeva, L.I. (2016) *Psikhoterapiya v istorii psikhologii: kul'turno-istoricheskiy analiz: Diss. ... kand. psikhol. nauk* [Psychotherapy in the history of psychology: cultural and historical analysis: the Dissertation of the candidate of psychological sciences]. Moscow.

Vygotskiy, L.S. (1982) *Sobr. soch.: V 6 t. T. 1.* [Collected works in 6 volumes. Vol. 1]. Moscow: Pedagogika.

Yanchuk, V.A. (2000) *Metodologiya, teoriya i metod v sovremennoy sotsial'noy psikhologii i personologii: integrativno-eklekticheskiy podkhod* [Methodology, theory and method in modern social psychology and personology: an integrative-eclectical approach]. Minsk: Bestprint.

Yaroshevskiy, M.G. (1993) *L.S. Vygotskiy: v poiskakh novoy psikhologii* [L.S. Vygotsky: in search of a new psychology]. St. Petersburg: Mezhdunarodnyy fond istorii nauki.

Yaroshevskiy, M.G. (1998) Dil'teeva dikhotomiya i problema perezhivaniya. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1, 70—78.

Yurevich, A.V. (1999) Sistemnyy krizis psikhologii. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2, 3—11.

Yurevich, A.V. (2007) Paradigmal'nye debaty. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 2, 3, 3—17.

Zhuravlev, A.L., Kornilova, T.V., Yurevich, A.V. (eds., 2012) *Paradigmy v psikhologii: nauchovedcheskiy analiz* [Paradigms in psychology: the science analysis]. Moscow: IP RAN.

Original manuscript received November, 15, 2016

Revised manuscript accepted December, 15, 2016